

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

О времени возникновения Ростова Великого¹

К. А. Аверьянов

Вопрос, вынесенный в заголовок статьи, на первый взгляд уже давно решен. На протяжении уже многих лет официальной датой основания Ростова считается 862 г. В 2012 г. город торжественно отметил свое 1150-летие, и по этому поводу была даже выпущена почтовая марка.

Действительно, под 862 г. Ростов упоминается в «Повести временных лет», точнее в помещенном под этим годом «Сказании о призвании варягов». В нем рассказывается о призвании на Русь варягов во главе с легендарным Рюриком и его двумя братьями Синеусом и Трувором, которые соответственно сели на княжения в Новгороде, Белоозере и Изборске. Через два года после смерти братьев Рюрик принял всю власть на Руси и стал раздавать своим «мужам» города, среди которых названы Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром. Далее сообщается, что варяги в этих городах были «находниками», а коренными жителями в Ростове являлось племя меря². Собственно говоря, этим известием и исчерпываются показания письменных источников по начальной истории Ростова.

В. Н. Татишев, исходя из указания летописца о смерти братьев Рюрика через два года после их прихода на Русь, полагал первым упоминанием города 864 г. Позднее, с легкой руки Н. М. Карамзина, надолго утвердилось мнение, что еще до прихода варягов Ростов являлся столицей племени мери. В отличие от него М. П. Погодин увидел в Ростове один из центров славянской колонизации. Эту точку зрения поддержал С. М. Соловьев, по мнению которого колонизация и основание Ростова были связаны с Новгородом. Пожалуй, первым, кто попытался выяснить время возникновения Ростова, исходя из того очевидного факта, что к середине IX в. город уже должен был давно существовать, стал В. О. Ключевский. Он связал возникновение Ростова со славянской торговлей по Волжскому пути и отнес его к VIII в.

По мнению И. И. Срезневского, название Ростова происходит от собственного имени Рост, или Ростислав (Ростов – город Роста). В связи с этим предпринимались попытки выяснить имя основателя города. Известный собиратель фольклора А. Артынов еще в XIX в. записал предание о том, что город основал некий князь Владимир Яналец, сын царя Вандала. Но позднее выяснилось, что эти легенды являются плодом деятельности местных книжников³.

¹ Карта к статье выполнена к.и.н. Степаном Николаевичем Темушевым (Белорусский государственный университет).

² Повесть временных лет (далее – ПВЛ). 2-е испр. и доп. изд. СПб., 1999. С. 13.

³ Обзор историографии см.: *Плешанов Е. В.* К вопросу о происхождении города Ростова //

Определенный ответ на вопрос о времени основания Ростова могли бы дать данные археологии. Однако слоев IX в., т.е. времени первого летописного упоминания города, обнаружить так и не удалось. Было высказано мнение, что по данным дендрохронологии, древнейший найденный в Ростове образец датируется 963 г. Именно в этом году было срублено дерево, из которого была сделана обнаруженная колода. Правда, при этом исследователи отмечали, что строительный период, к которому относится данная находка, датируется еще более поздним временем — рубежом X—XI вв. По сведениям А. Е. Леонтьева, много лет проводившего здесь раскопки, город со свойственными ему особенностями начинает складываться не ранее середины X в.⁴

Поскольку археологи, несмотря на все усилия, так и не нашли упоминаемого летописцем Ростова IX в., в интернете стали появляться различные объяснения данного парадокса, вплоть до самых экзотических версий. Одна из них утверждала, что древний город надо было искать в водах озера Неро, куда он погрузился подобно мифическому граду Китежу.

Для нас более интерес другой факт. Оказывается, что ситуация с Ростовом IX в., который так и не смогли найти археологи, не является уникальной, а, наоборот, типичной для большинства городов, упомянутых в «Сказании о призвании варягов».

Попытки найти остатки княжеской резиденции Рюрика в *Новгороде*, предпринятые местными краеведами еще в конце XIX в., так и не дали результатов. Несмотря на тщательные и систематические поиски, начавшиеся еще в 1932 г., к настоящему времени в нем так и не было обнаружено слоев IX в. Город начинает заселяться лишь с середины X в., а по данным дендрохронологии, древнейшая из новгородских построек, исследованная археологами, датируется 953 г.⁵

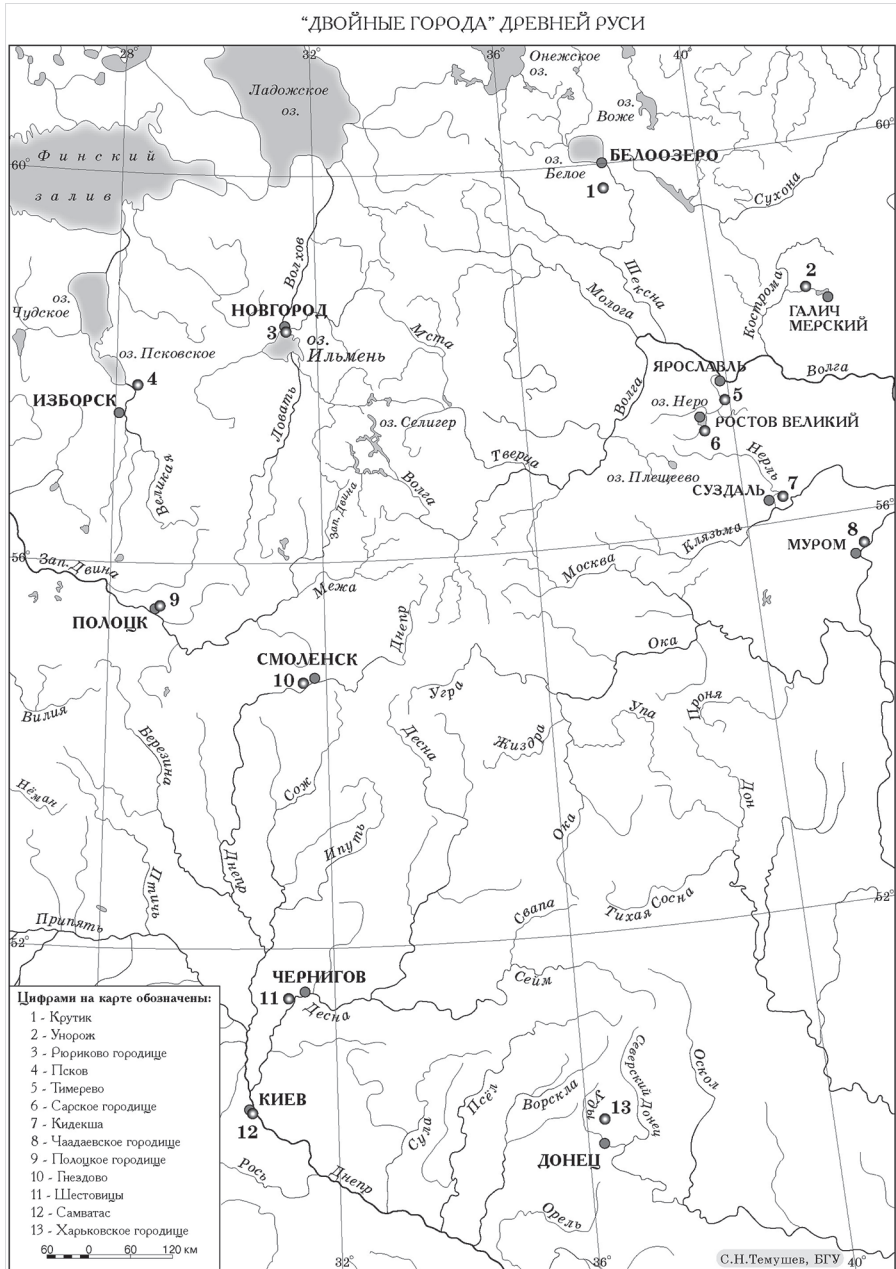
Ту же картину видим и на примере *Белоозера*. В 1860 г. археологическая экспедиция Я. М. Лазаревского и Ю. Б. Иверсона установила, что древнее Белоозеро располагалось на правом берегу реки Шексны, в 2,5 км от ее истока из Белого озера, близ деревни Крохино. Городище было окружено тремя земляными насыпями, располагавшимися на невысоком ровном берегу Шексны, занятом полями и лугом. Позднее, в XIV в. город был перенесен на новое место, в 15 км западнее, где ныне располагается Белозерск. Раскопки Л. А. Голубевой, начавшиеся в 1949 г. и продолжавшиеся 12 лет, показали, что древнейшие слои здесь относятся лишь к X в. и носят отчетливо выраженный финно-угорский

История и культура Ростовской земли (далее — ИКРЗ). 2001. Ростов, 2002. С. 172–181; Чиркова И. К. Миф средневекового русского города (на примере Ростова Великого) // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 1–2 (38–39). С. 1–5.

⁴ Повелихин А. В. История археологического изучения Ростова Великого (XIX—XX вв.) // ИКРЗ. 1991. Ростов, 1991. С. 57–61; Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Черных Н. В. Частные аспекты хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // ИКРЗ. 1995. Ростов, 1996. С. 3–7.

⁵ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956. № 55. С. 15; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 34.

характер. Следов IX в. найдено так и не было. Вывод о том, что возникает лишь около середины X в. был подтвержден более поздними исследованиями С.Д. Захарова⁶.

⁶ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

И в случае с *Муромом* археологические поиски, проводившиеся в нем в 1946 г. Н. Н. Ворониным и Е. И. Горюновой, в 1982–1987 гг. Н. Е. Чалых и в 1998 г. В. В. Бейлекчи, не обнаружили в нем слоев IX в⁷.

Некоторым исключением из этого ряда можно считать *Изборск*. С ним связывают известный археологический памятник – Труворово городище в поселке Старый Изборск в 30 км к западу от Пскова. Первые раскопки проводил здесь в 1924 г. шведский археолог Б. Нерман (тогда город входил в состав Эстонии), а систематические изыскания проводились здесь много позже, когда с 1971 по 1992 г. этот памятник планомерно и почти полностью был раскопан экспедицией В. В. Седова. Археологические находки показали, что он, несомненно, существовал в середине IX в. Здесь было найдено восемь арабских серебряных монет – дирхемов конца VIII–X в. и один западноевропейский денарий конца X – начала XI в. Вместе с тем В. В. Седов вынужден был отметить, что хотя отдельные находки скандинавского происхождения в Изборске и были обнаружены (фризский гребень, равноплечая фибула, ланцетовидные наконечники стрел), этого слишком мало, чтобы увидеть за ними варяжскую дружину времен Рюрика и Трувора или скандинавскую военно-торговую факторию⁸.

Подобные примеры можно привести и для других древнерусских городов, упоминаемых «Повестью временных лет» в IX–X вв., но не фиксируемых в это время археологами. Наиболее показателен в этом плане пример с Переяславлем Русским (современный Переяслав-Хмельницкий на Украине). Летописец, пересказывая под 907 г. договор Олега с Византией, сообщает, что в Константинополь среди прочих приходят русские купцы из Переяславля. Ту же норму видим и в договоре Игоря, помещенном летописцем под 945 г. В то же время этот же источник рассказывает об основании Переяславля Владимиром Святым под 992 г.⁹

Такого рода «неувязки» были замечены исследователями относительно давно. Их пытались объяснить тем, что в древнейшей части «Повести временных лет» отразились не реальные события середины IX в., а политическая ситуация начала XII в., когда создавался данный памятник.

Изучая историю его создания, историки летописания выяснили, что всего за пять лет после своего появления «Повесть временных лет» была переработана трижды. Считается, что она была закончена около 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. В это время на киевском великом княжении сидел Святополк Изяславич и поэтому в заключительных статьях своего труда Нестор дал в целом положительную оценку деятельности киевского князя. Но уже в 1116 г. только что законченное произведение было заново переработано игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестром, а еще через два года, в 1118 г. последовала новая, третья по счету редакция

---

⁷ Смирнов Ю. М. Муром IX–XIII вв. как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сборник научных трудов. М.; Сыктывкар, 2006. С. 69, 71–72.

⁸ Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.

⁹ ПВЛ. С. 17, 24, 54–55.

летописного памятника. Полагают, что подобная калейдоскопическая быстрота переработок летописи была вызвана, в первую очередь, внешними обстоятельствами. В 1113 г. Святополк скончался и на киевский стол «в обход принципов старшинства» взошел его давний противник Владимир Мономах. Поскольку летопись считалась отражением официальных взглядов на исторические события, новый киевский князь поручил переработать ее Сильвестру, настоятелю семейной обители Владимира Мономаха. Он частью опустил, а частью изменил последние погодные статьи, написанные Нестором. При переделках Сильвестр значительное внимание уделил Владимиру Мономаху, преувеличив и приукрасив его роль в событиях рубежа XI–XII вв. Но киевский князь все же остался недоволен переработкой Сильвестра и поручил своему сыну Мстиславу следить за новым редактированием, законченным к 1118 г.

По мнению А. А. Шахматова, именно в ходе этой работы над летописью событиям, связанным с приходом на киевский стол Владимира Мономаха, была придумана далекая хронологическая аналогия, которая должна была показать, что будто бы именно так создавалась русская государственность. Так в тексте «Повести временных лет» появилось «Сказание о призвании варягов», представляющее собой позднюю вставку, скомбинированную способом искусственного соединения нескольких северорусских преданий, подвергнутых переработке летописцами начала XII в¹⁰.

Позднее, в развитие идей А. А. Шахматова было даже высказано предположение, что вся статья 862 г. не может считаться исторической реальностью, поскольку в ее основе лежит библейский ветхозаветный текст.

Впрочем, далеко не все исследователи, и в первую очередь археологи, согласились с подобной трактовкой. Причиной этого стали любопытные археологические находки.

Уже в 1820 г. в Ростовской округе Н. Бояркиным было открыто *Сарское городище*, расположенное в 15 км южнее Ростова, в излучине реки Сары, впадающей в озеро Неро. В 1851–1854 гг. раскопки здесь вели А. С. Уваров и П. С. Савельев. Впоследствии оно исследовалось в 1903 г. Н. К. Рерихом, в 1924–1925 и 1929–1930 гг. Д. Н. Эдинггом, в 1972–1973 и 1980 гг. А. Е. Леонтьевым. Первоначально Сарское городище датировали VI–VII вв., но после раскопок А. Е. Леонтьева время основания городища было сдвинуто на столетие позже, а сделанные здесь находки относят к IX–XIV вв. Выяснилось, что городище состояло из трех площадок, каждая из которых была защищена отдельным валом. Сарское городище существовало в VII – начале XI в., а его общая укрепленная площадь достигала 3 га. Наличие оборонительных валов свидетельствует, что здесь находился административный центр, где находились вождь и его дружина. Население городища, по мнению большинства исследователей, было сначала чисто мерянским, затем смешанным.

В 1867 г. при строительстве железной дороги Москва – Варшава в 12 км от Смоленска близ деревни *Гнездово* был открыт обширный курганный

¹⁰ Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904; *Он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 289–340.

могильник. Позднейшие археологические раскопки, ведущиеся с 1874 г., показали наличие здесь древнего городища, площадью около 16 га, окруженного несколькими тысячами курганных насыпей. Точное число их неизвестно: в литературе встречаются цифры от 3 до 6 тыс. Судя по находкам, оно существовало уже в IX в. Естественно, исследователи предположили, что столь крупный населенный пункт обязательно должен был упоминаться в летописи. Однако письменные источники о верховьях Днепра в IX–X вв. не знают какого-либо другого большого поселения, кроме Смоленска.

Как и в Ростове, так и в Смоленске слоев IX в. обнаружено не было. Зато они присутствовали в Гнездове и Сарском городище. Поэтому в 1899 г. известным археологом своего времени А. А. Спицыным была выдвинута версия о «переносе» городов, что именно Гнездово являлось местом нахождения древнего Смоленска, а Сарское городище – Ростова, упоминаемых летописью в IX–X вв. Позднее они были перенесены на современное место. Данное гипотеза вполне разумно объясняла отсутствие археологических слоев IX в. на месте Смоленска и Ростова, став одной из самых популярных на протяжении всего XX в., тем более, что случаи переноса городов на новое место известны и в последующее время и не являются столь редкими.

Данное убеждение еще более окрепло, когда археологи обратили внимание на так называемое *Рюриково городище*, расположенное в 2 км от Новгорода, у истока реки Волхов из озера Ильмень. Первые археологические раскопки здесь были проведены в 1901 г. Последующие исследования показали наличие трех культурных слоев, а с 1975 г. начались систематические раскопки. Выяснилось, что история Городища начинается с крепости VIII–IX вв., имевшей деревянные стены с валом и рвом. При археологических исследованиях слоев IX–XI вв. было обнаружено значительное количество находок военного снаряжения и одежды скандинавов, множество свинцовых княжеских печатей, арабских, византийских и западноевропейских монет и т. п. Само поселение занимало мысовую часть возвышенности, расположенную на низменном острове среди заливаемой поймы. Следует отметить чрезвычайно выгодное расположение крепости, поскольку ее территорию со всех сторон защищали водные рубежи, а с холма легко можно было контролировать проход судов из Волхова в Ильмень. Данное предположение подтверждается источниками, поскольку хорошо известно, что долгое время это место являлось резиденцией средневековых новгородских князей. Во второй половине X в. центр здешней жизни перемещается по соседству – в собственно Новгород¹¹.

Была подмечена еще одна интересная деталь – в скандинавских источниках столица северной Руси всегда фигурирует под названием Хольмгард, происходящим от древнескандинавского слова *hulmr* – «остров». Применительно к современному Новгороду это определение не подходит. Однако Рюриково городище, действительно, представляет собой довольно значительный речной остров. Следует указать и на данные топонимики: народное предание именно

---

¹¹ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

с этим местом связывает имя первого русского князя. Вся эта совокупность доводов позволяла утверждать, что именно Рюриково городище явилось тем местом, куда был приглашен на княжение варяжский конунг.

На долгие годы теория «переноса городов» и ее различные варианты стали едва ли не господствующими в отечественной археологии, тем более, что она подтверждалась и другими примерами соседства «пар» городов. Назовем их: Белоозеро и расположенное примерно в 25 км к югу от поселения *Крутик*; Муром и находящееся приблизительно в 12 км севернее *Чаадаевское городище*; Изборск и лежащий в 30 км от него *Псков*; *Ярославль* и городище *Тимерево* на притоке Волги Которосли, отстоящие друг от друга на 15 км; *Галич Мерский* на Галичском озере, и городище *Унорож* близ одноименного села на правом берегу р. Вексы, вытекающей из Галичского озера; *Чернигов* и *Шестовицы*; *Донецкое городище*, отождествляемое с летописным древнерусским городом Донец, куда бежал из половецкого плена герой «Слова о полку Игореве» новгород-северский князь Игорь Святославич, и находившееся в 10 км от него *Харьковское городище*; *Суздаль* и расположенная в 4 км от него *Кидекша*.

Для нас особый интерес представляют археологические исследования Кидекши последнего времени, проведенные под руководством Н. А. Макарова. Они показали, что в конце I тыс. н. э. здесь существовало поселение. Судя по отсутствию в культурном слое стеклянных бус и металлических украшений, присутствие которых характерно для слоев X в., оно возникло в IX в. Не позднее второй половины X в. поселение было заброшено¹². Именно в Кидекше обнаруживаются археологические слои IX в., отсутствующие в соседнем Суздале. Как только Кидекша была покинута во второй половине X в., культурные слои этого времени начинают прослеживаться в Суздале.

В данном случае перед нами типичный пример «переноса» города. Если это так, то можно полагать, что такая же картина характерна и для Ростова, название которого в письменных источниках IX – начала X в. есть не что иное, как Сарское городище. Позднее город под своим прежним названием во второй половине X в. был перенесен на современное место.

Казалось бы, на этом выводе можно было бы закончить статью, если бы не одно «но». Самым сложным в археологии являются не сами археологические раскопки, а интерпретация полученных результатов. Оригинальная и в чем-то даже остроумная теория «переноса городов» не дает объяснений, почему именно во второй половине X в. в Древней Руси случился процесс массового переноса городов.

Окончательную черту под ней подвели раскопки А. Е. Леонтьева на Сарском городище. Оказалось, что сделанные здесь находки относятся к очень широкому временному интервалу: IX–XIV вв. Исходя из теории «переноса городов», можно было ожидать, что подобно Кидекше жизнь на Сарском

¹² Макаров Н. А., Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю. Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше // Российская археология. 2014. № 3. С. 50–65; Макаров Н. А. Кидекша. Собор на пашне. Пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба // Родина. 2014. № 9. С. 53–57.

городище должна была замереть во второй половине X в. Но в действительности оказалось, что эти два соседних достаточно крупных центра успешно функционировали одновременно на протяжении довольно длительного времени. А. Е. Леонтьев объяснил этот парадокс тем, что Сарское городище являлось племенным центром мери, тогда как Ростов являлся центром княжеской власти. Правда, при этом оставалось совершенно непонятным, почему Ростов в указанное время в отличие от Сарского городища не имел укреплений, и к тому же со стратегической точки зрения был основан в неудобной местности, на низкой береговой террасе¹³.

Все это заставляет искать иные объяснения соседства подобных «пар» городов. Историко-географический анализ позволяет подметить любопытную закономерность: один из городов в подобной «паре» обязательно располагается на водной магистрали, тогда как второй может находиться в стороне от нее. Это обстоятельство со всей очевидностью показывает, что перед нами следы самой древней и наиболее архаичной формой управления территориями, которой являлась система полюдья. Судя по имеющимся источникам, она заключалась в более или менее регулярном объезде князем вместе с дружиной подвластной ему области. Для сбора дани и других доходов, а также отправления правосудия князь объезжал подвластную территорию, останавливаясь в заранее определенных пунктах, получивших название станов (от значения слова «стан» в смысле — остановка).

При больших размерах малонаселенных княжеств подобные объезды были наиболее целесообразной формой управления, сбора дани, прокормления дружины, суда и управы. Разумеется, при этом отнюдь не исключалась вероятность различного рода злоупотреблений: избыточного требования припасов для собиравших доходы, излишнего усердия при выколачивании недоимок или просто грабежа того, что плохо лежит. Поэтому с уже достаточно раннего времени вводились определенные барьеры на пути возможных злоупотреблений. Одним из них являлось то, что места сбора дани отстояли на некотором расстоянии от мест проживания податных групп.

Применительно к IX–X вв. подобные объезды осуществлялись, как правило, по рекам. Поэтому места княжеских остановок очень часто находились вне селений, в зависимости от удобств для окрестных жителей и дальнейшего следования княжеской дружины. Понятно, что когда дружинники князя находились всего несколько дней в году на подобных временных стоянках, современным археологам найти следы их кратковременного пребывания зачастую не представляется возможным.

Тем не менее, отдельные находки все же позволяют установить, кто же плывал по тогдашним рекам? В 1955 г. Н. Н. Ворониным во время раскопок на территории Ростовского кремля были найдены два парных дубовых шангоута, явно предназначавшихся для корпуса крупной ладьи. По времени они

---

¹³ Леонтьев А. Е. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1991. С. 40.

датируются рубежом X–XI вв., эпохой Ярослава Мудрого. Согласно вариантам возможной реконструкции, ладья могла достигать размеров 18 м и более, при ширине от 3,3 до 4,3 м при высоте борта от 1,3 до 1,7 м¹⁴.

Для Руси IX–XI вв. подобные суда были не характерны. Упоминаемые Константином Багрянородным «моноксилы» славян представляли собой выдолбленные из древесных стволов однодеревки и, судя по найденным экземплярам, достигали длины чуть более 8 м при ширине судна 0,6–0,7 м. Поиски аналогов приводят нас к заключению, что перед нами остатки одного из кораблей викингов. Судить о них можно по обнаруженным в XIX–XX вв. в различных погребениях судам в южной Норвегии и Дании. Их характерной особенностью были высокая грузоподъемность (до 8800 кг) и небольшая осадка (от 0,3 до 0,5 м), благодаря которой корабли викингов не встречали затруднений в путешествиях по разветвленной речной сети европейского континента, поскольку все реки шириной более 20 м, и глубиной свыше 1 м вполне были пригодны для них¹⁵.

То, что по рекам северо-востока Древней Руси путешествовали не просто варяги, а именно князья с целью сбора дани свидетельствуют случайные обмолвки летописцев. Воскресенская летопись, созданная в 1540-х годах, сообщает о захоронении в Кидекше сына Юрия Долгорукого Бориса и добавляет интересную подробность. Оказывается, здешний храм был освящен во имя князей Бориса и Глеба, поскольку здесь когда-то находилось их становище: «В лето 6667 [1159]. Преставися князь Борисъ Юрьевичъ, маия 12, и положень бысть въ церкви святую мученику на Нерли в Кидекши, юже создалъ отецъ его Юрьи, идеже бе становище святою мученику Бориса и Глеба»¹⁶. Созданная двумя десятилетиями позднее «Степенная книга» даже уточняет маршрут их движения: «И на реце на Нерли въ Кидекши близ града Суждаля постави церковь камену же во имя святыхъ мученикъ Бориса и Глеба, идеже бысть совокупное святыхъ мученикъ становище, егда въ Киевъ хожаху Борисъ от Ростова, Глебъ же от Мурома»¹⁷.

Эти свидетельства позволяют прояснить некоторые подробности из ранней истории Ростова. Необходимо согласиться с точкой зрения А. Е. Леонтьева, что на месте Сарского городища располагался племенной центр одной из групп мери, а в Ростове делали остановку русские князья во время полюдья. Подобные остановки были очень кратковременными и понятно, что они практически не оставляли культурного слоя, являющегося главным

¹⁴ Леонтьев А. Е. Ладейные шпангоуты X в. из Ростова // ИКРЗ. 1993. Ростов, 1994. С. 177–178; Он же. Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер. М., 1999. С. 159–166 (Труды ГИМ. Вып. 111).

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 45, 47; Журавлева Ю. Б., Чубур А. А. Средневековое судостроение Юго-Восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Вопросы подводной археологии. М., 2010. С. 28; Фиркс И., фон. Суда викингов. Л., 1982.

¹⁶ ПСРЛ. М., 2001. Т. 7. С. 67.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 192.

предметом изучения археологов. Тем самым становится понятным, почему они так и не смогли найти Ростова IX в.

Что же касается массового «переноса городов» во второй половине X в., то это явление было связано с переменами в характере полюдья, когда после гибели князя Игоря в 945 г. его вдова Ольга вынуждена была провести реформу налогообложения. Вместо прежней системы управления «наездами» на местах прежних станов появляются постоянные княжеские администраторы.

Нам остается объяснить, что имел в виду летописец, когда применительно к середине IX в. упоминал Ростов и другие города, которые на тот момент ими не являлись. Понять данное обстоятельство помогает пример Суздаля. Датой его первого упоминания традиционно считается 1024 г., когда летописец сообщает о восстании волхвов в Суздальской земле¹⁸. Но оказывается, что название «Суздаль» известно гораздо раньше. Правда, содержится оно не в древнерусских источниках, а в сочинении «Деяния венгров», составленном на рубеже XII–XIII вв. анонимным автором, занимавшим должность нотариуса венгерского короля Бельи III. В нем рассказывается о переселении венгров из своей прародины в заволжских степях в Паннонию во главе с вождем Альмошем. После переправы через реку Этиль (в ней видят Волгу) «нигде не встретился им путь, который вел бы к городу или человеческому жилью. И не питались они плодами трудов человеческих, как было у них обычно принято, а утоляли голод мясом и рыбой, пока не вошли в землю Руси (in Rusciam), которую называют Суздаль (Susudal). И юноши их почти каждый день проводили на охоте. Поэтому с тех дней до настоящего времени венгры — лучшие охотники среди других народов. Двигаясь таким образом, вождь Альмош со всеми своими [спутниками] вступил в землю Руси, называемую Суздаль». Венгерская хроника датирует этот эпизод 884 г.¹⁹

Дважды повторенное источником выражение «земля Руси, называемая Суздаль» со всей очевидностью объясняет, что в топониме «Суздаль» надо видеть не сам город, который фиксируется летописцем только с XI в., а Суздальскую землю, с которой собиралась дань русскими князьями на стане в Кидекше.

Такая же ситуация была характерна и для Ростова. При этом можно полагать, что основой для его названия явилось имя Ростовского озера.

---

¹⁸ ПВЛ. С. 65.

¹⁹ Цит. по: Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 135–136.